

Г. Грец, В. Шерешевский

**История евреев от
древнейших времен до
настоящего**

**Том 7 От расцвета Еврейско-
Испанской культуры до смерти
Маймонида. 1027-1205**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Грец**
История евреев от древнейших времен до настоящего: Том 7 От расцвета Еврейско-Испанской культуры до смерти Маймонида. 1027-1205 / Г. Грец, В. Шерешевский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 351 с.

ISBN 978-5-458-53009-5

«История евреев с древнейших веков до настоящего времени» – главный труд Генриха Греца, первое систематическое изложение истории евреев как летописи духовной жизни народа.

ISBN 978-5-458-53009-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вторая эпоха третьяго періода.

Г Л А В А I.

Паденіе гаоната и первый равинскій вѣкъ, эпоха Ибнъ-Нагрелы и Ибнъ-Гебироля.

Р. Гай гаонъ; характер и образованіе его. Самуилъ б.-Хофни. Хиэкія, послѣдній гаонъ. Африканская община. Р. Хананель и р. Нисимъ; ихъ заслуги и произведенія. Государственный мужъ, поэтъ и раввинъ Самуилъ ибнъ - Нагрела. Грамматикъ Иона Ибнъ Ганахъ и его значеніе.

(1027—1070).

Арабская культура, перенесенная съ востока на крайній западъ, изъ Дамаска и Багдада на Пиренейскій полуостровъ, уже пережила свою цвѣтущую пору. Съ паденіемъ омаядскаго халифата въ Кордовѣ и раздробленіемъ его на мелкія государства (эмирства), она стала клониться къ упадку. Еврейская же культура, также перенесенная на полуостровъ съ востока, теперь едва лишь начинаетъ свое, съ теченіемъ времени все усиливающееся, движеніе отъ первыхъ проблесковъ зари до полнаго полуденнаго свѣта. Ясеень и свѣтель былъ восходъ этой зари. Въ то самое время, когда каранство, по естественному теченію вещей, подвергается процессу окаменѣнія, равинскій іуданизмъ, коренящійся въ Талмудѣ, все болѣе и болѣе достигаетъ самосознанія, пытается свѣжими соками и вновь распускаетъ цвѣты. Еврейская Андалузія сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ элементы религіозно-научной жизни и, послѣ окончательнаго паденія гаоната, становится единичнымъ центромъ для всего еврейства. Въ теченіе полувѣка (1027—1070) здѣсь выступаютъ длинный рядъ личностей, настолько значительныхъ, что каждая изъ нихъ сама по себѣ могла бы ознаменовать свое время. Имена князей, *Самуила* и *Іосифа*, поэта, *Ибнъ-Гебироля*, и глубокаго изслѣдователя Библіи, *Ибнъ-Ганаха*, пользовались извѣстностью далеко за предѣлами еврейства. Въ это же время Вавилонія выдвинула двухъ мужей, имѣвшихъ высокое значеніе: р. *Гая* и *Самуила б.-Хофни*; но на ихъ долю вышло быть послѣдними лучами заходящаго солнца гаоната. Въ теченіе этого же времени явилось также не малое число вто-

ростепенныхъ лицъ, дѣятельность которыхъ не лишена своей доли значенія. Первое равнинское поколѣнїе, какъ обозначаютъ этотъ періодъ въ исторіи еврейства, имѣетъ классическую важность; оно проявляло творческія, оригинальныя силы и превзошло своихъ предшественниковъ. Научное изслѣдованіе еврейскаго языка достигло въ это время полной зрѣлости, новоеврейская поэзія возвысилась до художественности, а талмудическая наука выработала себѣ методикку, которая подвела свои разрозненныя положенія подъ правила. Философія, которая прежде, какъ у арабовъ, такъ и у евреевъ, находилась на довольно низкой степени, достигаетъ теперь такой высоты мысли, съ которой міровая жизнь представлялась совершенно въ другомъ свѣтѣ. Въ это время евреи достигаютъ высшаго уровня культуры, непосредственно за ними слѣдуютъ магометаве, а христіанское населеніе занимаетъ лишь третьестепенное положеніе, подѣ часть даже не возвышаясь надъ точкой нуля. Все возвышенное и благородное, таящееся въ челоуѣческой душѣ, въ это время ярко обнаруживается у еврейскихъ мыслителей. Той ясности мышленія, которую обнаруживали талмудисты даже въ Вавилоніи, напрасно было бы искать у самыхъ выдающихся современниковъ ихъ въ христіанскомъ или мусульманскомъ мірѣ.

Р. Гай или Гая (род. 969, ум. 1038) на восемнадцатомъ году отъ роду былъ возведенъ въ высшій духовный санъ, уступавшій лишь гаонскому, а на тридцатомъ году былъ назначенъ гаономъ, въ качествѣ преемника отца своего, Шериры. При вступленіи его въ эту должность, былъ прочитанъ отдѣлъ изъ Пророковъ о вступленіи Соломона на престолъ, а въ послѣднемъ стихѣ*) было замѣнено имя Соломона его именемъ. Онъ вполнѣ заслуживалъ то высокое почтеніе, съ которымъ отпосились къ нему какъ иностранныя еврейскія общины, такъ и вавилонскія. Онъ въ одинаковой степени отличался какъ благороднымъ и строго-нравственнымъ характеромъ, такъ и самостоятельностью мысли, былъ обстоятельно знакомъ со всѣми отраслями науки, при тогдашнемъ ея состояніи, и обнаруживалъ разностороннюю писательскую дѣятельность. Р. Гай напоминаетъ собою Саадію, котораго онъ ставилъ себѣ идеаломъ и ревностно защищалъ противъ нападокъ; но въ немъ преобладалъ талмудистъ, между тѣмъ какъ Саадія былъ прежде всего философъ-богословъ. Подобно Саадіи, онъ владѣлъ такъ мастерски арабскимъ языкомъ, что пользовался имъ въ своихъ отвѣтахъ на многіе обращенныя къ нему запросы и на немъ же разработалъ многія научныя темы. На этомъ языкѣ онъ написалъ перечень корней еврейскаго языка (Chawî, Meassef), о которомъ поздравительный знатокъ (Ибнъ-Эзра) отзывался весьма лестно¹⁾. Въ этомъ словарѣ онъ разъясняетъ нѣкоторыя темныя стихи въ Св. писаніи, но собственно экзегетическаго со-

¹⁾ Ибнъ-Эзра, введеніе въ Моенажим

^{*)} 12, 11 מִיִּזְבֵּחַ פֶּדֶן.

чиненія онъ не написалъ. Подобно фаюмскому гаону, онъ былъ свободенъ отъ той узкосердечной исключительности, которая видитъ истину лишь въ своемъ религіозномъ кругу, находя вездѣ, внѣ этого круга, только одну ложь. Онъ былъ друженъ съ багдадскимъ главой восточныхъ христіанъ, и, когда онъ разъ, при своихъ экзегетическихъ занятіяхъ, наткнулся на затруднительное мѣсто, онъ не постѣснялся обратиться къ тогдашнему католикоу (Маръ-Илія I) за разъясненіемъ, которое послѣдній охотно далъ ему изъ своего сирійскаго перевода Библии. Одинъ изъ слушателей р. Гая, *Мацліахъ ибнъ-ал-Бацакъ*, пріѣзжавшій изъ Сициліи въ Пумбадиту, чтобы черпать талмудическую мудрость непосредственно изъ источника ея, не могъ скрывать свое изумленіе при видѣ дружескихъ сношеній гаона и католика и того почтенія, которое первый оказывалъ послѣднему. По этому поводу р. Гай указалъ ему на то, что, по ученію Талмуда, еврей обязанъ признавать истину, изъ какого бы источника она ни исходила ¹⁾. Для объясненія рѣдкихъ и устарѣлыхъ словъ, встрѣчаемыхъ въ Библии, р. Гай не стѣснялся брать въ помощь Коранъ и старинныя магометанскія традиціи. Вообще это былъ свободный отъ предрасудковъ мудрецъ, любившій свѣтъ, а не тьму. Онъ часто вступалъ въ преріи съ магометанскими богословами объ отношеніи юдаизма къ исламу и, какъ утверждають, благодаря ораторскому дару, нерѣдко заставлялъ ихъ замолчать. Особенно силенъ онъ былъ въ Талмудѣ, какъ его отецъ, Шерира, но проявилъ большую дѣятельность, чѣмъ онъ. Онъ составилъ краткій толкователь словъ къ труднѣйшей части Мишны и Талмуда. Лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ онъ систематизировалъ ²⁾ талмудическое гражданское право о договорахъ, займахъ, межахъ и присягѣ, и въ этомъ отношеніи послужилъ образцомъ и авторитетомъ для потомства.

Метафизическими изысканіями р. Гай вообще не занимался, хотя и писалъ въ защиту еднубожія. Но, не будучи философомъ по призванію, р. Гай однако имѣлъ здравый взглядъ на мистическое суевѣріе, которое, въ своемъ туманномъ облаченіи съ религіозною окраской, представлялось легковѣрнымъ людямъ солнцемъ, ему же лишь миражемъ.

Вѣра въ чудесное, плѣняющая невѣжественную массу повсюду и всегда во всѣхъ религіяхъ и лишаящая ее свободнаго взгляда на міровой порядокъ и премудрость Божию, нашла себѣ, при благоприятныхъ условіяхъ, значительный просторъ среди евреевъ, какъ и въ христіан-

¹⁾ Посланіе Мацліаха къ Самуилу га-Нагиду, приведенное Моисеемъ ибнъ-Эзра въ его (рукописномъ) руководствѣ къ повѣи и Іосифомъ ибнъ-Акинъ въ его комментаріи къ „Пѣснь пѣсовой“ (также въ рукописи).

²⁾ Рапопортъ, біографія р. Гая гаона. *Bikkure ha-Jttim*, годъ X.

скомъ и мусульманскомъ мірѣ. Она укоренилась въ особенности въ Палестинѣ и въ Италіи, распространяясь также въ другихъ странахъ. Мистики вѣрили: истый праведникъ можетъ во всякое время творить великія и поразительныя чудеса, какъ вѣкогда пророки; съ этой дѣлюю надо пользоваться магическими формулами, именно различными перестановками буквъ въ Божіемъ имени; написавъ Божіе имя на извѣстныхъ листахъ или черепкахъ, можно спастись отъ разбойниковъ, сдѣлаться невидимкой, въ одинъ мигъ пробѣжать громадное разстояніе, успокоить бующее море, мгновенно причинить смерть и вообще совершать чудеса.

Старинныя мистическія писанія, предлагавшія средства для чудотворства и порожденныя игрой разгоряченной фантазіи, прослыли для послѣдующихъ поколѣній источникомъ непогрѣпимой мудрости. Однако, истинному религиозному сознанию р. Гая всѣ подобныя суетвѣрія представлялись униженіемъ и оскверненіемъ религіи, и онъ горячо возставалъ противъ нихъ, хотя самъ отецъ его, бывшій для него авторитетомъ, не совсѣмъ былъ свободенъ отъ нихъ. Разъ одинъ ученикъ Якова б.-Нисимъ изъ Кайруана предложилъ р. Гаю вопросъ: какого мнѣнія держаться относительно магической чудотворной силы имени Бога. Р. Гай коротко и ясно отвѣтилъ: „это—пустыя слова“. Но кайруанцы чувствовали себя не удовлетворенными этимъ отвѣтомъ, такъ какъ они не разъ слышали отъ палестинскихъ и римскихъ мудрецовъ, что послѣдніе творили чудеса и помощью мистическихъ формулъ имени Бога. Поэтому вторично просили р. Гаю дать обстоятельное заключеніе объ этомъ предметѣ и еще о другихъ, какъ, наиримѣръ, о значеніи свовиднѣй и колдовства. Разрѣшенія этихъ сомнѣній они тѣмъ настоятельнѣе добивались, что они находили и въ Талмудѣ *) подтвержденіе возможности чудотворства при посредствѣ писаннаго имени Божія.

По поводу этихъ двухъ запросовъ р. Гай написалъ обстоятельный и убѣдительный отвѣтъ, разумное содержаніе котораго тѣмъ болѣе должно получить общую извѣстность, что впоследствии нѣкоторые стали признавать р. Гаю мистикомъ. Отвѣтъ гласилъ такъ: „Если бы всякому возможно было при помощи формулъ (Nusschim) творить чудеса и нарушать естественный порядокъ, то чѣмъ же особеннымъ выдавались бы тогда пророки? Нѣкоторые авторитеты даже утверждали, что и такіе благочестивые мужи, какъ талмудисты, не были въ состояніи совершать чудеса. Возможность произвести временное разстройство въ естественномъ порядкѣ вещей была предоставлена Богомъ лишь пророкамъ, чтобы они могли выказать себя настоящими посланниками Его. Если бы эта возможность была предоставлена всякому благочестивому человѣку, то, при большомъ

*) Напр. Gittin 68. *Ред.*

числѣ благочестивыхъ людей, всякое чудо превратилось бы въ обыденное явленіе, исходя до чего-то повседнежнаго, и движеніе солнца отъ запада къ востоку не болѣе изумляло бы, чѣмъ обратное, т. е. обыкновенное движеніе его,—словомъ, чудо перестало бы быть чудомъ. Впрочемъ, употреблять имя Божіе для чудотворства даже грѣшно. Далѣе, въ этомъ же посланіи, р. Гай отрицаетъ возможность стать невпидимой при посредствѣ имени Бога. Переданные ему рассказы о томъ, что гаонъ, р. Нагровай, мигомъ переносился изъ Вавилоніи во Францію, онъ призываетъ вымышленными какимъ-то обманщикомъ, неизвѣстными въ самой Вавилоніи. Что касается рассказовъ о занятіяхъ другого гаона, р. Моисей, талисманами и заклинаніями, р. Гай приписываетъ происхожденіе ихъ отчасти обману, отчасти тому обстоятельству, что р. Моисей жилъ въ Сурѣ, гдѣ подобное суевѣріе, вслѣдствіе близости этого города къ старому Вавилону, могло еще сохраниться, какъ пережитокъ древности; Пумбадита же, расположенная далеко оттуда, совершенно свободна отъ подобнаго рода представленій. Предостерегавши кайруанцевъ отъ распространенія такихъ суевѣрій, въ которыхъ много сомнительнаго и мало правды, р. Гай заканчиваетъ *): „Глушецъ вѣрить всякому слову“.

Въ подобномъ же смыслѣ р. Гай выразился еще о другомъ суевѣріи. Его спросили, почему избѣгаютъ пить воду въ началѣ каждаго изъ временъ года. Лица, обратившія къ нему съ этимъ вопросомъ, вѣроятно, ожидали отъ него мистическаго объясненія. Но онъ отвѣтилъ: „потому что желаютъ ознаменовать начало времени года чѣмъ-либо съѣстнымъ; я же говорю: „сладокъ годъ труженника, много ли, мало ли онъ съѣстъ“ ** 1). Выраженіямъ Талмуда, вызывающимъ недоумѣніе, раби Гай старался придать болѣе разумный смыслъ. Его однажды спросили, какъ слѣдуетъ понимать слова Талмуда: „невѣжда (Am-ha-Agez) не долженъ употреблять въ пищу мясо, имущество его считается безхозяйнымъ, личность его—въѣ закона“. Иные серьезно придерживались этого изреченія и не считали безсовѣстнымъ дѣломъ противозаконное присвоеніе имущества невѣжественныхъ людей. Р. Гай рѣзко и рѣшительно выразился по этому поводу, что именно тѣ, которые понимаютъ Талмудъ въ такомъ смыслѣ, заслуживаютъ стоять въѣ закона *). Его широкій взглядъ на юдаизмъ побудилъ его разрѣшить евреямъ имѣть общеніе съ караимами **) и совершать надъ дѣтьми ихъ обрядъ обрѣзанія даже въ дни субботы.

1) Ibn Ezra, Iggeret ha-Schabbat, ed. Livorno, p 61. b. *) 16, י"י ל'ש"ב *Ред.*

***) י"י ל'ש"ב Слово *גזש* употреблено здѣсь не въ значеніи „сонъ“, которое оно имѣетъ въ библейскомъ стихѣ, а въ значеніи „годъ“. *Ред.*

*) Responsa Gaonim, Schaare Teschubah № 23.

**) Maimuni responsim въ собр. писемъ 45. Responsa David Ibn-Abi-Simra II, 796.

Р. Гай пробовалъ свои силы и въ стихотворномъ искусствѣ, но сохранившіеся плоды его музы не свидѣтельствуютъ о значительномъ поэтическомъ дарованіи. Хотя онъ и позаимствовалъ отъ еврейско-испанскихъ поэтовъ размѣръ стиховъ, который онъ и примѣнялъ въ одномъ литургическомъ произведеніи, но правильная конструкція стиха не въ состояніи скрыть недостатокъ истинной поэзіи. Поэтическія произведенія р. Гая, псеудачныя по формѣ, важны однако по содержанію. Его дидактическая поэма (Mussar haskel), состоящая изъ 189 стиховъ, представляетъ собой рядъ жемчужинъ, содержательныхъ наставленій, которые авторъ извлекаетъ изъ Св. писанія, изъ талмуда и отчасти изъ глубины своего сердца, придавъ имъ мѣткую эпиграмматическую форму. Эта поэма напоминаетъ собою притчи Соломона и поучительное стихотвореніе Фокилида (т. IV, стр. 278) и, благодаря своему глубоко-нравственному содержанію, впоследствии удостоилась перевода на латинскій языкъ.

Вслѣдствіе заслугъ р. Гая, значеніе пумбадитской академіи снова нѣсколько возвысилось. Онъ былъ признавъ авторитетомъ со стороны многихъ. Великіе учителя: р. Нпсимъ и р. Хананель изъ Кайруана, р. Авраамъ Кабаси (изъ Кабеса въ сѣверной Африкѣ), община города Феца, визирь р. Самуиль Нагидъ, р. Гершомъ изъ Майнца и многіе другіе авторитетные ученые и общины трехъ частей свѣта обращались къ нему съ вопросами и почитали его, какъ высшаго представителя юдаизма. Его называли „отцомъ Израяля“. Такъ какъ экзилархатъ, со смерти внука Давида б.-Закай, уже прекратилъ свое существованіе (т. VI стр. 252), то р. Гай сталъ во главѣ юдаизма, для котораго и нельзя было желать лучшаго представителя. Его предшественники, пумбадитскіе гаоны, смотрѣли недружелюбно на существованіе сурской академіи, а „отецъ“ злорадствовалъ тому, что она остается безъ главы; онъ же, какъ кажется, самъ содѣйствовалъ тому, чтобы она, наконецъ, получила достойнаго главу, именно въ лицѣ его тестя, равнаго ему по знаніямъ и добродѣтели, р. *Самуила б.-Хофни*, написавшаго нѣсколько систематическихъ сочиненій объ обычаяхъ и комментаріи къ Пятикнижію и философствовавшаго, подобно мугазилитамъ, о единствѣ Бога. Его комментаріи къ Пятикнижію, правда, не пользуются большою славой; онъ, по подобію карапскихъ комментаріевъ, многословенъ и касается многихъ предметовъ, совершенно не относящихся къ дѣлу. Но, если его экзегетическій трудъ не проявляетъ прогресса, онъ за то свидѣтельствуетъ въ томъ, что, со времени гаона р. Саадіи, его преемники слѣдуютъ по его стопамъ, разрабатывая юдаизмъ въ научной формѣ. Самуиль б.-Хофни остался вѣрнымъ направленію, которое стремится ввести все, кажущееся сверхъестественнымъ въ разсказахъ Вибліи, въ кругъ обыкновенныхъ естественныхъ

явленій, расходясь относительно этого даже со взглядами талмуда. Появление пророка Самуила, вызваннаго заплывающим ендорской воллшебницы, и рассказ о валаамовой ослицѣ онь объяснялъ съовидѣніемъ. Онь выступилъ также противъ караимства, какъ это дѣлалъ Саадія; вообще, въ послѣднее время гаоната вспыхнула оживленная литературная борьба между рабаинятами и караимами. Содержание его полемики осталось неизвѣстнымъ. Одинъ караимъ, Израиль б.-Даниль Искандри (Далнъ), издалъ противъ Самуила нѣсколько эпиграммъ на еврейскомъ языкѣ, лишенныхъ всякой поэтической прелесть и вообще всякаго достоинства. О дѣятельности Самуила б.-Хофни ничего, кромѣ этого, неизвѣстно; онь умеръ четьрьмя годами раньше своего зятя, р. Гая (1034¹⁾, завершивъ собой рядъ гаоновъ Суры.

Повидимому, сурская академія, по смерти его, не дѣлала никакихъ попытокъ поддержать дальнѣйшее свое существованіе. Всевозможныя обстоятельства оказывались въ эти годы неблагоприятными для гаоната, и, при всемъ напряженіи силъ, послѣдній не могъ болѣе держаться. Послѣ смерти р. Гая (20 Нисана, 28 Марта 1038²⁾), вызвавшей трауръ всего еврейства и посвященные его памяти стихи величайшаго пѣвца того времени Ибнъ-Гебироля, и африканскаго почитателя, раби Хананеля³⁾), пробилъ послѣдній часъ и для пумбадитской академіи. Ея коллегія избрала въ преемники челоувѣка, представлявшаго собою гаона и экиларха: Хизкія, правнука, пріобрѣтшаго себѣ извѣстность своей задорливостью, экиларха, Давида б.-Закай, былъ провозглашенъ главой академіи. Но блескъ, ожидавшійся отъ этого выбора, не могъ обнаружиться. Хизкія имѣлъ много злыхъ враговъ, завистливо смотрѣвшихъ на его возвышеніе, которые оклеветали его при халифскомъ дворѣ. Политическая власть надъ восточнымъ халифатомъ сосредоточивалась въ то время въ рукахъ Джелаль-Абдаулы, добившагося у слабаго халифа титула „царь царей“ и права взиманія налоговъ съ евреевъ и христіанъ. Этотъ властитель получилъ возможность воспользоваться живымъ или основательнымъ доносомъ для личнаго своего обогащенія. Послѣдній экилархъ былъ брошенъ въ темницу, подвергнутъ пыткамъ, вѣроятно чтобы заставить его открыть свои сокровища, лишень всего имущества и казненъ (1040⁴⁾). Гаонатъ, такимъ образомъ, испустилъ духъ подъ пыткой пришедшаго въ упадокъ халифата. Этимъ кончилась первенствующая роль въ еврейской исторіи Вавилоніи, которая надолго впала въ совершенное ничтожество. Два сына Хизкіи бѣжали отъ преслѣдованій и долго бродили по міру, по-

¹⁾ Авраамъ ибнъ-Даудъ.

²⁾ Т. же

³⁾ Обѣ влегіи на смерть р. Гая въ Chemda Genusa Эдельмана.

⁴⁾ Авраамъ ибнъ-Даудъ.

ка не нашли отдыхъ въ Испаніи, гдѣ они пользовались общимъ почетомъ, какъ послѣдніе отпрыски дома Давида, и подъ именемъ Ибнъ-Даудовъ посвящали себя мирному служебію музамъ ¹⁾.

Сѣверная Африка, переживавшая при Исаакѣ Израэли, Дунашѣ б.-Тамимъ и вновь поселившемся здѣсь р. Хушиелѣ свою краткую цвѣтущую пору, также имѣла своихъ послѣднихъ великихъ мужей въ теченіе первой половины одиннадцатаго столѣтія и затѣмъ, въ свою очередь, была обречена судьбой на забвеніе. Этими великими мужами, какъ мы уже упомянули, были р. Хананель б.-Хушиель и р. Нисимъ б.-Яковъ ибнъ-Шагинъ (около 1015—1055), которые, хотя жили въ одной мѣстности и часто упоминаются вмѣстѣ, повидимому, не состояли во взаимно-дружескихъ отношеніяхъ. Скорѣе можно предполагать между ними завистливое соревнованіе, какъ между р. Ханомъ и Ибнъ-Абитуромъ; р. Нисимъ былъ уроженецъ Кайруана, р. Хананель же сынъ переселенца. Незвѣство въ точности, кто изъ нихъ считался официальнымъ раввиномъ въ Кайруанѣ; но оба стояли во главѣ школы. При этомъ р. Хананель велъ обширное торговое дѣло, р. Нисимъ же былъ такъ бѣденъ, что принужденъ былъ пользоваться вспоможеніями еврейскаго министра въ Гранадѣ ²⁾. Между тѣмъ у обопхъ этихъ лицъ замѣчается поразительное умственное сходство: одинаковый ходъ мыслей, одинаковыя научныя занятія, сочиненія почти одного и того же содержанія въ одной и той же формѣ; только р. Хананель пользовался еврейскимъ языкомъ, р. Нисимъ же арабскимъ. Оба внесли одинъ новый элементъ въ изученіе Талмуда, которое отъ этого стало основательнѣе. Іерусалимскій талмудъ, хотя зародился у самаго источника преданія и предшествовалъ вавилонскому, не пользовался, какъ послѣдній, расположеніемъ судьбы, отъ которой зависитъ участь и людей, и книгъ. Между тѣмъ какъ вавилонскій Талмудъ пользовался громкой извѣстностью на востокъ до Хорасана и Индіи, а на западъ до крайнихъ предѣловъ древняго міра, Талмудъ іерусалимскій, въ мѣста своего происхожденія, долгое время не былъ извѣстенъ. Между тѣмъ какъ первый привлекъ къ себѣ множество комментаторовъ, изслѣдовавшихъ его до мельчайшихъ подробностей, упоминается лишь о единственномъ древнемъ комментаторѣ второго, къ тому же неизвѣстномъ. Послѣ завоеванія Палестины фатимидскими халифами, сѣверо-африканскія общины вступаютъ въ сношенія со Св. землею, откуда ученые начинаютъ стекаться въ Кайруанъ ³⁾. Послѣдніе и принесли съ собою іерусалимскій Талмудъ, которымъ впервые серьезно занялись оба кайруанскіе раввина, включивъ его въ кругъ талмудическаго ученія. Р. Нисимъ составилъ ключъ къ Талмуду (Mafteach), въ которомъ дополняетъ и разъясняетъ краткія и

¹⁾ Т. же

²⁾ Т. же.

³⁾ Taam Sekenim 54.

темныя мѣста въ Талмудѣ вавилонскомъ на основаніи соотвѣтственныхъ мѣстъ іерусалимскаго Талмуда. Руководствуясь установленными въ этомъ „ключѣ“ основоположеніями, онъ, въ другомъ сочиненіи (Megillat Setarim), излагаетъ сводъ узаконеній въ области религіозной обрядности и гражданскаго права. Подобныя сочиненія составилъ и р. Ханавель: комментарий къ талмуду (Pegusch) въ связи съ іерусалимскимъ и рѣшенія практическихъ вопросовъ (Mikzoot, сост. 1038).

Оба они написали также комментарий къ Пятикнижію, а р. Ханавель и къ остальнымъ частямъ св. Писанія. Оба же, держась направленія гаона Саадіи, вносозательно толковали поразительныя чудеса и агадическія изреченія. Эти два авторитета состояли въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Испаніей и Вавилоніей, образуя собою посредствующее звено между ними и дожили до совершеннаго паденія гаоната и блестящаго расцвѣта еврейскихъ общинъ въ Андалузій. Р. Ханавель умеръ безъ мужскаго потомства, оставивъ свое богатое состояніе девяти дочерямъ. Р. Нисимъ также не имѣлъ сына, который могъ бы стать его преемникомъ, но онъ имѣлъ множество учениковъ даже изъ Испаніи ¹⁾. По смерти обонъ, кайруанская школа лишилась всякаго значенія ²⁾. Одинъ изъ ихъ учениковъ, родомъ изъ вновь основанной столицы цанатскаго царства, Калы ибнъ-Хамадъ, впоследствии становится талмудической знаменитостью, но обязавъ своей славой тому, что переселился въ Испанію.

Такимъ образомъ, еврейская Испанія приняла все наслѣдство Іудей, Вавилоніи и сѣверной Африки, которое и приумножила на благо грядущихъ поколѣній. Сыновья еврейско-хазарскаго князя и послѣдняго экиларда искали убѣжища и покоя въ Андалузій, какъ бы въ еврейскомъ государствѣ. Во главѣ испанскихъ общинъ стоялъ человекъ, по своей мудрости, добродѣтели и общественному положенію, наиболѣе достойный, *Самуилъ ибнъ-Нагрела* (или Нагдела), первый въ ряду послѣдовавшихъ за гаонами учителей. Онъ придавалъ идеальный блескъ раввинизму, который болѣе достойнаго представителя не могъ бы найти. Самуилъ ибнъ-Нагрела совмѣщалъ въ одной своей личности всѣ различныя качества того тріумвирата, который положилъ первое основаніе славѣ испанскаго еврейства. Онъ представлялъ собою великодушнаго князя и покровителя знанія, Хасдая, глубокаго знатока талмуда, р. Моисея б.-Ханохъ, поэта и грамматика, Дунаша бенъ-Лабратъ.

Своеобразно сложились обстоятельства жизни Самуила (Измаила) Галеви ибнъ-Нагрела. Родившись въ Кордовѣ (993 г. ³⁾), куда отецъ его

¹⁾ Mafteach р. Писима, изд. Голденталя стр. 4 и 25,

²⁾ Авраамъ ибнъ-Даудъ.

³⁾ Главные источники для его біографіи: Авраамъ ибнъ-Даудъ и интересны

Иосифъ, переселился изъ Мериды, онъ успѣлъ усвоить себѣ богатый и сложный матеріалъ талмуда въ школѣ р. Ханюха. Въ тонкости еврейскаго языка онъ былъ посвященъ Іегудой Хаягомъ, основателемъ еврейскаго языковѣдѣнія. Изученіе другихъ отраслей знанія и въ особенности арабскаго языка, которымъ онъ мастерски владѣлъ, было ему легко въ андалузской столицѣ, стоявшей тогда на вершинѣ культуры. Вслѣдствіе вспыхнувшей въ Кордовѣ ожесточенной междоусобной войны, Самуилъ двадцатилѣтнимъ юношей принужденъ былъ, вмѣстѣ со многими другими, оставить этотъ городъ. Берберскій предводитель, Сулайманъ, оставшись побѣдителемъ въ войнѣ съ арабами и лейбъ-гвардіей халифовъ, разрушилъ съ чисто африканскою яростью великолѣпныя зданія столицы, отдалъ своему войску на поруганіе женъ и дочерей гражданъ и пустилъ по міру всѣ богатѣйшія мѣстныя семейства (въ Апрѣлѣ 1013). Вслѣдствіе такихъ гонимой почтенныя еврейскія семьи стали переселиться въ Гранаду, Толедо и даже въ отдаленную Сарагосу. Самуилъ ибнъ-Нагрела поселился въ портовомъ городѣ Малагѣ; неизвѣстно, одинъ ли, или вмѣстѣ съ родителями. Средства для существованія ему доставляла торговля въ маленькой лавкѣ; при этомъ онъ занимался изученіемъ Талмуда и языковъ. Кромѣ еврейскаго, арабскаго и халдейскаго, онъ звалъ еще четыре языка: латинскій, кастильскій и берберскій. Въ отличіе отъ остальныхъ евреевъ, писавшихъ по-арабски большей частью еврейскимъ шрифтомъ, Ибнъ-Нагрела былъ искусенъ въ арабской каллиграфіи ¹⁾, что имѣло въ то время особенное достоинство въ глазахъ арабовъ. Своему обширному языковѣдѣнію и красивому почерку онъ былъ обязанъ своимъ столь высокимъ общественнымъ положеніемъ, какого до него еще не достигалъ ни одинъ еврей, со времени паденія еврейскаго государства.

Гражданскія войны и честолюбіе правителей (эмировъ) способствовали раздробленію созданнаго омаядскими халифами магометанско-андалузскаго государственнаго организма на незначительныя областныя княжества. Послѣ паденія послѣднихъ омаядовъ, въ Андалузій образовалась цѣлая система мелкихъ государствъ, на подобіе нѣкогда существовавшихъ въ Германіи и Италіи; арабскіе историки называютъ правителей того времени „царями лоскутковъ“. Одно берберское племя, сингаджа, подъ предводительствомъ Максена изъ семейства Царидовъ, положило основаніе на югѣ Испаніи отдѣльному государству (1020). Гранада, богато населенная евреями, стала столицей этого новаго государства, въ

замѣчанія Мулка въ его „Notice sur Aboulwalid“ (стр. 88 и слѣд.), положенныя мною здѣсь въ основаніе изложенія. Только для подтвержденія новыхъ фактовъ я привожу новые выводы.

¹⁾ Іегуда ибнъ-Тибонъ, письмо къ сыну, изд. въ Берлинѣ, стр. 4.